Т. В. Марелло, И. В. Дергачева

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ «ПОСЛАНИЯ О РАЕ» ВАСИЛИЯ КАЛИКИ ФЕОДОРУ ДОБРОМУ

Древнерусский книжник не любил предаваться фантастике — он любил точность и обстоятельность, как игумен Даниил, и если приписывал своему герою чудесные способности, то объяснял их естественными причинами, как это делал Нестор, рассказывая о «чудотворениях» Феодосия Печерского. Не было в оригинальной древнерусской литературе и развернутых эсхатологических построений, которыми так богаты переводные апокрифы [1]. Наказание за грехи толковалось скорее в этическом аспекте, чем изображалось в устрашающих картинах загробного мира [2]. Однако русскому человеку всегда была свойственна особая духовная «искательность», особое стремление к поискам материальных доказательств неземных явлений и вещей. «Фантастика» древнерусской литературы проступала какой-то подспудной мечтательностью, искусным, почти незаметным вплетением ирреального в обыденное. Среди подобных фантазий и устремлений у древнерусского книжника вдруг возникают настойчивые поиски «географического» рая, то есть той точки земной поверхности, где расположен Эдем со всеми своими «райскими кущами». Почему? — попытаемся ответить.

Василий Калика, новгородский архиепископ (1331–1352), прославился многими своими делами: пастырским служением, градо- и храмостроительством, особым патриотическим космополитизмом во взаимоотношениях с Константинопольским патриархом [3], дерзостью в контактах с великокняжеской властью

(Иваном Калитой и Симеоном Гордым) и вмешательством во внешнеполитические вопросы (шведские войны)[4].

Примерно в 1347 г. Василий Калика написал интересующее нас «*Послание архиепископа новогородскаго Василия къ владыце Тферьскому Феодору о рае*». Это «Послание» произвело впечатление на книжников, современников Василия: оно было помещено сразу в нескольких летописях (под 1347 г.) — Софийской первой, Воскресенской, Новгородской третьей и др.

Адресатом Василия был тверской епископ Феодор Добрый (1342—1360), озабоченный богословскими спорами о существовании земного рая. Тверь вдруг оказалась внезапно в центре полемики — «распри» «о честномъ раю»[5], предметом которой был вопрос — есть ли рай на земле, либо он лишь метафизическое обозначение будущего спасения человеческой души[6].

Но, как мы уже отметили, древнерусский книжник не был склонен к отвлеченным богословско-философским рассуждениям. Поэтому Василий отнесся к вопросу Феодора о существовании земного рая серьезно, но практично, «пребых много дний о взыскании исправлениа Божественаго закона». Отыскав, как кажется Василию, ответ, он сообщает другу, что готов, «якоже бо те святии апостоли бес престаниа посланиа творяху другъ къ другу», вступить с ним в переписку[7].

Итак: Василий слышал, что, по мнению Феодора, «Рай погиблъ, в нем же был Адамъ». Однако «о того есмы погибели не слыхали, ни в Писании где обрели о том святомъ раю», но известно лишь из того же Святого Писания, «что насади Богъ рай на въстоце, въ Едеме, и введе в онь человека, и заповеда ему... "аще съблюдеши слово мое — живъ будеши, аще ли преступиши — смертью да умреши, в *ту же землю поидеши, от нея же взятъ еси*"». Человек преступил заповедь и изгнан был из рая. Бог, однако, пожалел свое создание — человека, и «обеща ему *паки внити в рай*», потому что не хотел его окончательно погубить, но «спасти и в разумъ истины привести»[8].

Василий доказывает, что об исчезновении того рая, где жил Адам, в книгах нет ни слова. Наоборот, во многих из них дается точное географическое описание райской местности. Например, «в Паремии именуются 4 рекы, идуть из рая — Тигр, Нил, Фисонъ, Ефраксъ», но это «место непроходимо есть человекомъ» и

живут там брахманы. Что-то в аргументации настораживает: место «непроходимо», люди в нем — мифические брахманы, живущие без войн, зависти и грехов. Своеобразная страна Утопия. Василий и сам это ощущает, поэтому добавляет новые «литературные» реминисценции: а еще в Прологе «всемъ явлено есть, в чюдесех святаго архаггела Михаила, что възмяи праведнаго Еноха, посади его въ честномъ раю». А еще пророк Илия «въ раи же седить, находил его Агапей святый и часть хлеба взял». И Макарий Римский «за 20 поприщь жилъ от святаго рая», и «Ефросимъ святый былъ в раю, и три яблока принеслъ изъ рая, и дал игумену своему Василию, и от них же исцелениа многа быша»[9]. Да реальные ли это люди?

Как ни трудно построить систему исчерпывающих доказательств еще весьма шаткой идеи, однако Василий Калика был весьма эрудирован в переводной апокрифической литературе, да и в рассуждениях весьма изящен. Он нашел выход из «тупиковой» ситуации недостатка аргументов — он дал своему другу Феодору исчерпывающую «библиографическую справку» на тему рая на земле: «Книга Еноха», «Хождение Агапия в рай», «Слово о Макарии Римском», сослался также на «Александрию» и ее легендарных брахманов. Не всегда приведенные Василием сюжеты имели действие на земле (многие апокрифические герои были вознесены на небо), но в них участвовали реальные земные персонажи, попавшие за различные заслуги в необычные «райские» обстоятельства. Убедительно или нет — решать оппоненту.

Таким образом, Феодору Доброму, убеждает Василий, не следует верить в гибель земного рая: существуют доказательства обратного. Хотя условную убедительность, зыбкость своих аргументов Василий тотчас же почувствовал — рай-то в апокрифах указывался вовсе не на земле, или не совсем в реальном мире! Да и герои пребывали в раю в особом состоянии — то ли во сне, то ли наяву.

Василий (истинный полемист), однако, продолжает: «И ныне, брате, мнить ти ся *мысленый рай*, но все мыслено мнится видениемъ»[10]. Разве слова Христа о Втором пришествии (в Евангелии) — следует толковать, по мнению Василия, лишь «в видении», то есть воображении? Разве слова Христа о праведниках, наследующих царство небесное («уготованое вамъ ... преже сложениа миру»,

т. е. изначально, до сотворения всего сущего), и грешниках, которые пойдут «въ огнь вечный уготованый диаволу и аггеломъ его» — это лишь убедительный образ? Если наказание и награда «мысленные», а грехи и подвиги настоящие — рассуждения Василия упираются в логику — как же следует толковать евангельское учение о посмертном воздаянии (этической основе христианства)?

Полемика выходит на сложный философский уровень, Василий не готов к ней. Поэтому снова прибегает к авторитетам: Иоанн Златоуст писал, что «насади Богъ рай на въстоце, а на западе — муки уготова». «То же, брате, не речено Богомъ видети человекомъ святаго рая, а мукы и ныне суть на западе».

Но главное, последний и самый весомый аргумент Василия, *есть свидетели земного рая.* Он начинает издалека, от противного. «Много детей моихъ, новогородцевъ, видоки тому на Дышучемь мори: червь неусыпающий, и скрежеть зубный, и река молненая Моргъ, и что вода входить въ преисподняя и пакы исходить 3-жды днемь». И если весь этот *ад существует,* то «место се святое како погибе»? Если существует «минус», должен быть и «плюс». Ад должен уравновеситься раем, как зло компенсируется добром. Может ли разрушиться божественная дихотомия земли и неба, ведь в раю «и Пречистая Богородица, и множесьтво святых, еже по въскресении Господни явишася многимъ въ Иерусалиме и паки внидоша в рай?» [11]. А если не в «реальном» раю, то где же они? Да и сам Христос вопиет: «Внидете паки [*снова, еще раз*] в рай!». Логическая аргументация впечатляет остроумием — Василий выстраивает ее на отрицании! [12]

Василия все же не оставляют сомнения в исчерпывающей убедительности своих доказательств. Его богословская полемика по своей стройности достойна подражания. Это уже *риторика,* почти публичная защита своей позиции. Василий стремится найти как можно больше материальных подтверждений, фактов, свидетельств. Он продолжает: когда приблизилось успение Богородицы, то ангел принес из рая цветущие финиковые ветви (Василий использует апокриф «Успение Богородицы»), указывая на уготованное ей место после кончины. «*А еже рай мысленый есть, то почто видиму ветвъ сию аггелъ принесе, а не мыслену есть?* Апостоли видеша, множество и неверныхъ жидовъ ветвь сю видеша».

Для умозрительных заключений допустимы умозрительные доказательства. Реальные же вещи подтверждаются материально, иначе мир был бы абсурден, лишен всякого смысла. Богородица получила материальное подтверждение своего спасения — *живую* финиковую ветвь — из реального рая. Более того — апостолы были тому *свидетели*! Даже «неверные» иудеи! Разве нет лучшего доказательства истины, чем подтверждающее свидетельство противника? Блестящий ход новгородского архиепископа [13].

Все дела Божии нетленны, т. е. материальны, а не воображаемы, и сам Василий «самовидець есмь сему». Вот Феодору и новый аргумент.

Как ни избегал, однако, философии новгородский архиепископ, она его все-таки «настигла». Физическая реальность рая подводит к богословской теме физической реальности страданий Христа за человечество. В разрешении этого вопроса легко уклониться в раннехристианскую ересь монофизитства и поставить под сомнение искупительную силу крестной жертвы, однако Василий в своем простодушии не замечает всей сложности и коварности этой темы [14]. Для него подтверждением истины служат всего лишь собственные впечатления: «Егда Христос, иды на страсть волную, и затвори своима рукама врата градная, — и до сего дни не отворени суть. А егда постився Христос надь Ерданомь, своима очима виделъ есмь постницу его, сто фуник Христос посадилъ — недвижими суть и до ныне, не погибли, ни погнили» [15]. Помимо впечатлений от Святых мест, Василий указывает на сохранившиеся «следы» пребывания Христа на земле: затворенная калитка, финиковая роща, скит. «Ни едино же дело Божие есть тленно, но вся дела Божиа нетленна суть, *самовидець* есмь сему, брате». В общем, Василий Калика знает, о чем говорит — он был в Иерусалиме и видел христианские святыни [16].

Василий допускает возражение Феодора: «Или, брате, имешь себе мыслити, аще насади Богъ на въстоце рай, почто обретеся въ Ерусалиме тело Адамле?» [17], под Голгофой, местом распятия Христа? И ведь действительно, почему? «То не веси ли, брате, службу аггельскую, коль скоро свершають, без износимых речей служать Богу, во мьгновении ока землю прорыщуть и небеса преходять? *Мощно бо есть Богови единемъ словомъ Адама из рая въ Иеруса-*

лиме поставити; и херувиму повеле хранити врата Едемьская, а по въскресении своемь повеле Адаму въ рай внити и множество святых с нимъ. Слово и дело есть въскоре». Просто, но неубедительно.

Из книг получается, что существует сразу несколько «раев» — в Египте, в Иерусалиме, на востоке, на небе. Бог своей волей «назначает» место рая и меняет его.

Более весомо, как кажется Василию, свидетельство очевидцев: «А то место святаго рая находилъ Моиславъ-новгородец и сынъ его Ияков» [18]. Когда лодки — вероятно, моряков-торговцев — после долгих морских скитаний («а всех ихъ было три юмы, и одина от нихъ погибла») прибило к высоким горам, то увидели они на тех горах «написанъ Деисусъ [центральна композиция иконостаса] лазоремъ чюднымъ... яко *не человечьскыма рукама творенъ*, но Божиею благодатью. И *светъ* бысть в месте томъ *самосиянен*ъ, яко не мочи человеку исповедати» [19]. Отец и сын долго рассматривали изображение деисуса, от которого исходил свет «многочасьтный [многоцветный], светлуяся паче солнца», и слышали, как на горах «ликования» и «веселия гласы поюща». Когда же по их просьбе один из спутников их взошел на гору, то «абие въсплеснувъ рукама, и засмеяся, и побеже от друговъ своих к сущему гласу». Оставшиеся удивились, но решили послать еще одного на гору. Но и тот, едва вступив в какое-то заповедное место, «тако же сътвори», вовсе не думая возвращаться к своим спутникам, а «с великою радостию побеже от них». Вот и третьего (как в сказке) настал черед: его привязали веревкой к ноге, чтобы не убежал. «И тако же и тотъ въсхоте сътворити: въсплескавъ радостно и побеже, в радости забывъ ужища на нозе своей». Когда же сдернули его за веревку с «волшебной» горы, то несчастный оказался мертв — не выдержал то ли радости и блаженства на горе, то ли внезапного возврата к тяготам земной жизни [20]. В общем, странное место обрели новгородцы, а поэтому со страхом побежали от него: «не дано есть имъ дале того видети, светлости тое неизреченныи, и веселия, и ликованиа тамо слышащаго». Райское место — не для простых смертных, это уже «иной» мир, из которого нет возврата живым. Несмотря на странное происшествие, добавляет Василий, дети и внуки этих мореходов остались «добри-здорови».

Обратим внимание, что интерес новгородцев (в передаче Василия Калики) вызвала «*светлость* места сего». В описании столкновения новгородцев с чем-то необъяснимым Василий ни разу не употребил слово «рай», но подчеркивал неоднократно «невозможные» человеку сияние и веселие, невозможные настолько, что очевидцам, оставшимся в живых, пришлось покинуть это место. Чуть ниже мы вернемся к истолкованию этого эпизода.

А пока Василий делал упор на реальность, подтвержденную зрительным контактом (считая это «визионерство» достаточно убедительным доказательством). «Рай мысленый» так и останется мысленным, то есть не реальным, его нельзя будет увидеть и услышать его звуки. Поэтому вопрос о его существовании и его гибели – это вопрос философский, каждый решает его для себя в своей голове.

Рай же «насаженый», то есть физический, реальный – «не погыблъ, и ныне есть». Его можно осязать. Как сказали очевидцы, «на нем же светъ самосияненъ, а твердь запята [недоступна] есть до горъ техъ раевых». Нужны еще доказательства?

По мнению Василия, последним рассказом он окончательно убедил «брата Феодора» в существовании рая на земле где-то недалеко от Новгорода, на море, в горах. Можно теперь добавить немного метафизики: «А мысленый рай то и есть, брате, егда вся земля огнемъ искушена будетъ», когда Христос «сниде на землю». «Егда Господь нашь явится съ светлостью божесьтва своего на земли и силы небесныа двигнутся, аггели престануть от делъ своихъ и явять светлость свою, сътвореную от Бога, то есть, брате, мысленый рай, егда вся земля просвещена будеть светом неизреченнымъ, исполнена радости и веселия». Василию Калике наконец-то удалось подобрать точное определение «мысленого рая» – это *образ будущего*, образ преображенного мира после Страшного суда, залитого нетварным фаворским светом, *обоженного*: мира «небесъ новых и земли новые». Сияние нового мира будет столь сильным, что «размысли себе, брате: коль светелъ светъ именуется в Бытии [Книге Бытия], запятый твердью, паче же того дивнее и светлее» свет преображенного мира[21]. Василий, оказывается, проник в тему глубже, чем можно было предположить в самом начале его «Послания». Он детально знаком с точкой зре-

ния оппонента и даже разделяет ее в некоторых богословских аспектах.

«Мысленый рай» — «иной» мир, который недоступен телесному человеку: «Не возможно бо его, брате, ни святым видети мысленаго рая, въ плоти суще, того ради сие святии видевши, не могоша стояти, ниць на землю падоша». Хотя, как и обещал Христос, некоторым удалось увидеть этот духовный рай — явление божественного света. Среди них: ветхозаветные пророки Моисей и Илия, спутники Христа на Фаворской горе апостолы Петр, Иаков и Иоанн. Все они падали ниц, «не могуще видети светлости божества его»[22].

Василий исчерпал тему и подвел итог: «мысленый рай», о котором вопрошал тверской епископ, существует, но как еще не материализованный образ обновленного мира. Он наступит в «конце времен» человеческой телесности и будет означать Царство Божие для праведников, в котором не будет земных вещей, а все телесное будет «обожено», то есть пронизано божественным сиянием и божественной энергией. До наступления Царства Божия говорить о «мысленом рае» следует лишь в богословском смысле, теоретически. Кроме этого метафизического рая существует рай физический, земной. «И ты, брате Феодоре, о семъ словеси не смущайся; рай на въстоце не погиблъ, созданный Адама ради. И сими словесы уверися, брате, и весь священный соборъ тако научи и укрепи сице мудрствовати, якоже ти изъявихъ отъ Божественнаго Писания в семъ послании»[23]. Следует разделять будущее и настоящее, умственное и материальное, рациональное и интуитивное — все это лишь формы познания, отличающиеся глубиной проникновения в сущность явлений. В дискуссии о рае простоватый в философии, но изобретательный и скорый в мысли новгородский архиепископ Василий Калика все-таки победил своего разумного и слишком серьезного оппонента — тверского епископа Феодора Доброго. В противном случае мы бы анализировали письмо Феодора.

Рассмотрев подробно содержательную структуру «Послания Василия Калики Феодору Доброму», нетрудно заметить, что его центральный вопрос — о существовании земного рая — выходит за рамки обычной религиозной догматики. Он уводит к более

глубоким философским размышлениям об устройстве мира и способах его познания, о возможности или невозможности проникнуть в его тайны. Кроме того, перед нами явно обрисованы *два типа мировоззрения* средневекового «интеллектуала»: практика-рационалиста (Василия) и мистика, сторонника духовного прозрения (Феодора). Разные взгляды на мир влекут за собой разные подходы к восприятию и изучению этого мира, а, следовательно, приводят к разным картинам мира. Система доказательств Василия Калики о существовании земного рая выстроена очень логично, строго, с приведением аргументов из канонических богословских источников; она являет собой великолепный образец средневековой научной полемики и богословской риторики [24]. Однако, справедливости ради, заметим, что Василий не отличался глубиной теоретического осмысления вопроса о рае и ограничился широко известным его современникам набором библейских, евангельских и апокрифических сюжетов, хотя и дополнил их почти легендарным рассказом о столкновении новгородцев с непонятным чудесным миром на горе. Тем не менее, в своих размышлениях Василий Калика оказался в русле передовых философских и богословских изысканий, а тема его «Послания» была близка современным ему дебатам, развернувшимся среди крупнейших мыслителей восточной церкви. Что же так волновало умы современников-византийцев?

Наибольшее влияние на русское монашество и религиозную мысль средневековой Руси оказал яркий представитель поздневизантийского богословия, митрополит фессалоникийский *Григорий Палама* (1296–1359). Считается, что именно ему принадлежит теоретическое обоснование монашеской мистико-аскетической практики *исихазма*[25]. В основе ее – овладение особым способом слияния с Богом, через внутреннюю концентрацию духа и тела («умную молитву») [26]. В момент «слияния» с Богом становится возможным его ограниченное познание: божественная энергия проникает в человеческое тело, а вместе с энергией человек получает и непосредственное знание (откровение). Проникшая в плоть подвижника божественная энергия вызывает ее «обожение», что внешне может восприниматься как особое сияние, исходящее от человека. Свет этот имеет нетварную природу и сродни фаворскому свету, просиявшему от Иисуса в момент Его пре-

образжения перед учениками. Таково было в общих чертах «новое» богословие Григория Паламы.

Однако это учение являлось, в конечном счете, учением о познаваемости мира и самих методах познания. Оно пыталось объяснить специфику человеческой природы, возможности и границы человеческого разума и духа, а также вплотную подошло к проблеме адекватности восприятия человеком окружающей действительности и способности объяснить ее законы[27].

Григорий Палама, подобно нашим героям, отточил свою богословскую позицию в знаменитой полемической переписке с греком итальянского происхождения — *Варлаамом Калабрийцем*, тяготевшим к западной традиции понимания Боговоплощения и богопознания[28]: Григорий допускал особые формы познания божественного (через достижение состояния обожения), Варлаам настаивал на абсолютной невозможности даже приблизиться к сути непознаваемого. Проблемы была не нова и жарко обсуждалась еще в западной схоластике XII века, которая к XIV веку все более смыкалась с богословием. Это знаменитые философско-лингвистические споры «реалистов» и «номиналистов».

«Реалисты» полагали, что язык, используемый человеком, адекватно передает обозначаемые им предметы и явления, а сами «имена» тесно связаны с реалиями; выбор имен не случаен, а привязан к глубинной сущности предмета. «Номиналисты» видели в слове всего лишь условное обозначение (знак), не имеющий связи с реальной сущностью предмета. В выборе «знака» возможен, и наиболее вероятен, элемент произвольности, случайности и даже намеренной *противоположности*. В современной науке дискуссия о символах, их значениях и соотнесенности с реалиями воспринималась бы скорее как герменевтическая проблема, т. е. проблема толкования, «точки зрения». В средние века все было иначе. Каждое слово, особенно в церковной догматике, требовало исчерпывающего «конкретного» определения, оно не могло служить источником дальнейших разногласий, оно было сакральным.

Многогранность и глубина развернувшейся в XIV в. дискуссии становится очевидной из уже заявленных позиций оппонентов. Важнейшим же ее аспектом, как нетрудно заметить, выступает все та же возможность и механизм познания мира, что так вол-

новало русских епископов Василия и Феодора, даже если описать этот мир и механизм через понятия *Бог, Боговоплощение, обожение, Дух, рай и ад.*

Трудно сейчас предположить, были ли новгородский архиепископ Василий Калика и его тверской оппонент Феодор хоть частично знакомы с учением византийского богослова и схоластическими дискуссиями, или все эти гносеологические вопросы буквально «витали в воздухе». Тем не менее, многие из них, как можно было заметить, попали в орбиту древнерусской культуры.

Если слово всего лишь условно обозначает явление, например такое, как *рай*, то и поиски реального рая бессмысленны – реального земного рая нет, потому что за словом «рай» может стоять если не что угодно, то, во всяком случае, какое-то умозрительное явление – «мысленный рай». Познать «мысленный рай» значит представить его (постигнуть умом) во всех подробностях как «метафизическое будущее», которое еще не стало настоящим, но когда-нибудь воплотится в «ином мире», после физической смерти. В богословском понимании – почти ересь. Так думал Феодор Добрый.

Если выбор слова адекватен реальности, то «рай» есть реальное место с тем же набором признаков, как его описывают тексты Писания и прочие сочинения церковных авторитетов. Земной рай «обретается» – через физические поиски, через странствие по земле. К этому приближалась столь же еретическая позиция Василия Калики. Лингвистика завела в тупик богословие.

Таким образом, мир либо можно познать во всей его полноте, даже в таких «запредельных» явлениях, как рай, либо это познание будет ограничено невозможностью полного проникновения в сущность вещей, и рай останется лишь «мысленным», философским построением, встреча с которым в реальной жизни так же невозможна, как и само его существование по законам земного бытия. Реальное, практическое знание и теоретическое построение, догадка, интуиция – лежат в разной плоскости. Феодор и Василий видят мир по-разному.

Практический способ познания мира по сравнению с интуицией кажется более надежным, его выводы всегда подкрепляются реальными доказательствами, которые так старался привес-

ти в отношении рая своему другу Феодору Василий Калика. Не надо концентрировать дух, чтобы увидеть истину — она «на ладони», ее можно потрогать и на нее можно взглянуть (вот — калитка, вот — финиковая ветвь). За подобную конкретность разум расплачивается ограниченностью — далеко не все в этом мире доступно непосредственному человеческому осязанию, но остается реальным «помимо нас»: мир оказывается шире наших возможностей и сложнее нашего понимания.

Описывая странные «райские» места, Василий Калика все-таки не может удержаться от мистики. Он знаком с учением о фаворском свете и отмечет необычное (нетварное) сияние загадочных мест почти в терминах Паламы: свет «самосиянень», «яко не человечьскыма рукама творенъ, но Божиею благодатью»; «светъ... многочасьтный», «светлость места сего» «неизреченная». Непонятность означает «инакость», проникновение чего-то божественного в реальный мир. Поэтому нормальная реакция живого человека — страх. Василий Калика уловил в своем примере с новгородскими моряками-«самовидцами», встретившими «рай», какое-то противоречие и почти оборвал рассказ на самом интересном месте: а что же дальше-то сталось с новгородцами? А ничего. Дети и внуки их живы-здоровы.

Ограниченность, невозможность рационального познания «божественного» и заставили мыслителей искать иные способы. Греческая философия, построенная на первоначальности чувственного опыта, не объясняла христианской мистики, да и мыслимо ли объяснить логикой иррациональную фантастику? Развитие науки впоследствии докажет, что успехи в познании мира достигаются их совокупностью, но мудрость приходит с опытом...

Современные исследователи не могли обойти вниманием и иные аспекты этого на первый взгляд незамысловатого, но на поверку оказывающегося невероятно сложным «Послания» Василия Калики. Н. К. Голейзовский обратил внимание на возможное отражение в богословских позициях оппонентов намечавшихся разногласий вокруг обрядовой стороны церковного богослужения. «Тезис Федора Доброго о гибели земного рая означал, что общение с божеством, видение Бога достижимо теперь без

посредства чувственных образов. Такая трактовка могла привести к выводу, что внешнеобрядовая сторона церковного культа, подобно бывшему эдемскому раю, имеет лишь символическое значение и не может играть реальную роль в обожении человека. Иными словами, не нужны храмы, иконы, богослужебные обряды. Разумеется, ничего подобного Федор и его сторонники не утверждали. Однако Василий Калика в "Послании о рае" стремится предотвратить самую возможность такого вывода» [29].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. разделы «Древнерусская фантастика» и «Загробный мир в памятниках XI–XVII вв.» в кн.: *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 695–728.

[2] Развернутая апокалиптика возникает в раскольничьей литературе, но это уже явление иного, скорее, идеологического, порядка и относится ко второй половине XVII в. и позже. Мы не будем касаться этой невероятно интересной, но и столь же невероятно обширной и сложной темы.

[3] При архипастырстве Василия (в 1335 г.) в Новгород был принесен из Константинополя знаменитый белый клобук – священническое облачение, подаренное первым христианским царем Константином папе Сильвестру, о чем рассказывается в «Повести о новгородском белом клобуке».

[4] См. о нем краткую справку: *Панченко А. М.* Василий Калика // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – перв. пол. XIV в. Л., 1987. С. 92–95.

[5] Текст «Послания о рае» цитируется по изданию: Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае / Подгот. текста, перевод и коммент. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV – середина XV века. СПб., 2000. С. 42.

[6] Тема воздаяния (его место, «обстановка») – одна из важнейших тем эсхатологии загробного существования. Праведники попадают в рай за гранью смертного существования, лишь особенно отличившиеся из них, так называемые *визионеры*, еще при жизни посылаются в райские селения для назидания живущим. «Послание о рае» новгородского архиепископа Василия Калики тверскому епископу Феодору Доброму открыло своеобразную полемику на эту тему для людей «достовернейщих и истинноведущих Божественное Писание». См.: ПСРЛ. XXI: втор. половина т. СПб., 1913. С. 387.

[7] Библиотека. С. 42.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 44. См. также комментарии к цитируемому фрагменту Н. С. Демковой в указ. соч., с. 518.

[10] Есть определенная «двусмысленность» в понимании «видения» Василием Каликой: в значении «мысленое» (в противоположность реальному) и в значении «наяву», «увиденное собственными глазами». Сам автор «Послания» противоречия не замечает, охотно используя в своей аргументации в защиту земного рая апокрифические «видения».

[11] Библиотека. С. 44.

[12] Впрочем, и его современник, византийский философ-богослов Григорий Палама, утверждал, что познание Бога строится не на осязании присущих Ему качеств, а на отрицании «небожественного», невозможного для Бога. Сущность Бога видеть нельзя, но познать ее в определенной степени возможно – через отрицание и аналогию. Система апофатического (отрицательного) доказательства известна и современной логике.

[13] Исследователи «Послания о рае» Василия Новгородского еще не обращали внимания на его особую риторическую структуру, однако Василий выстраивает свое послание как публичное выступление в защиту своей точки зрения, и было бы любопытно проанализировать «доказательную систему» его «речи» и используемые в ней логические и риторические приемы усиления аргументации, формальные и содержательные. Такие тексты, как «Послание», иногда сообщают не только о «себе», но и о позиции и системе аргументов другой стороны полемики.

[14] В середине XIV века на христианском востоке, как и в раннехристианские времена, с новой силой разгорелась полемика о богочеловечестве (воплощении) Христа и силе его искупительной жертвы. Вопрос стоял о полноте соединения в Христе человеческого и божественного начал. Если Христос страдал «метафизически», т. к. Бог не может испытывать физические страдания, то человек получает спасение от грехов также «метафизически». В этом случае «рай» можно понимать лишь как условное место все того же «метафизического спасения», или, как утверждал Феодор Добрый, «мысленый рай». Если божественная природа получила реальное воплощение в человеческом теле и страдания Христа были физическими страданиями человеческой плоти (божественное проникло в человеческое), то и спасение, вместе с раем (и адом) и проч., реальны.

[15] Библиотека. С. 46.

[16] Там же. С. 518.

[17] См. комментарий Н. С. Демковой на с. 518 указ. соч.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 46.

[20] Детальный и психологически тонкий анализ рассматриваемого эпизода см. в статье «"Послание о рае" Василия Калики» в кн.: *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. С. 729–731.

[21] Василий Калика представляет преображенный мир в духе учения Псевдо-Дионисия Ареопагита: Второе пришествие Христа в окружении сияющих ангелов, расположенных в соответствии с небесной иерархией –

«1 чинъ – аггели, 2 чинъ – архаггели, 3 – начала, 4 – власти, 5 – силы, 6 – престоли, 7 – господьствие, 8 – херувими многоочитии, 9 – серафими шестикрилатии» (Библиотека. С. 48). Светлость ангелов, «сътвореная от Бога», усиливает сияние самого Бога, становящееся нестерпимым.

[22] Библиотека. С. 48. Василий отсылает также к апокрифу о путешествии апостола Павла на небо: «Якоже апостолъ Павелъ глаголеть, егда восхищенъ бысть до третиаго небеси: "Око не веде, и ухо не слыша, ни на сердце человеку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его"».

[23] Там же. С. 48.

[24] Еще раз обратим внимание на логику доказательств, применяемых Василием Каликой. Только широко образованный и проницательный человек с аналитическим складом ума может выстроить «линию защиты», двигаясь от простого, малоубедительного или абстрактного к более весомому и конкретному, тщательно отбирая и продумывая каждый ход. От теоретических заявлений – к материальным фактам.

Василий начал с апелляции к текстам Писания (теоретическая база спора), закрепил позицию упоминанием рая в апостольских посланиях (развитие теории). Затем включил в круг рассмотрения наиболее авторитетные книги, применявшиеся в древнерусском богослужении и знакомые оппоненту (Паремийник, Пролог). Обрисовав канонические рамки учения о рае, Василий дает «альтернативную» точку зрения (пока еще литературную) – апокрифов. Если литературный материал начинает казаться Василию вдруг слабоватым, то он подкрепляет его высказываниями о рае отцов церкви либо обращается к непререкаемому авторитету евангельского текста (вплоть до пространной цитации прямой речи Христа).

Более убедительными для скептика-оппонента, по мнению Василия, могли бы стать конкретные «географические» сведения о рае, поэтому во второй части дискуссии он переходит к детальному описанию Святых мест («Александрия», фрагменты собственного путешествия в Иерусалим и пр.).

Вершиной же своей доказательной базы новгородский архиепископ считает свидетельства очевидцев: первоначально свидетельствуют святые и герои прошлого (Богоматерь, апостолы и пр.), а затем – современники Василия, его земляки-новгородцы. Завершение успешного спора – теоретическое обобщение всех приведенных ранее фактов и оценка положительных сторон мнения противника. Блестящая победа.

[25] Предполагается, что большая часть русского монашества XIV–XVI вв. придерживалась исихастских взглядов и практиковала жесткий аскетизм и непрестанную «умную молитву» к Богу. Последователями исихазма считают Сергия Радонежского, Нила Сорского и других русских подвижников.

[26] «Умная молитва» в XIV в. понималась не только как молитва монахов-отшельников, но как основное «делание» монахов общежительного

монастыря и даже мирян. В основе этой молитвы – не подавление плоти ради духа, а объединение плоти с духом в едином акте своего «я» – «собрания ума». (*Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. Мн., 2001. С. 351.)

[27] Эта проблема «заразит» почти всех философов XIX века, мучительно стремящихся преодолеть границы материи и возможности человеческого разума.

[28] Варлаам был в итоге рукоположен в епископы папой римским. Однако впоследствии ему так и не удалось сделать богословской карьеры: он стал учителем греческого языка великого Петрарки. См.: *Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. С. 356.

[29] *Голейзовский Н. К.* «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV в. // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 52–53.